U 281
1871

2007237616

И 281/1871

7762-Ив

МОЖНО-ЛИ ОДНО ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ ПРИНЯТЬ ВЪ ОСНОВАНІЕ ПЛЕМЕННАГО РАЗГРАНИЧЕНІЯ СЛАВЯНЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(По поводу этнографическаго атласа западно-русскихъ губерній и сосѣднихъ областей Р. Ѳ. Эркерта).

—

I.

Недавно появился этнографическій атласъ г. Эркерта на русскомъ языкѣ, съ небольшой брошюрой, въ которой авторъ высказываетъ свою точку зрѣнія на этнографію западной Россіи, обрисовываетъ довольно правильно историческую судьбу этой страны и обозрѣваетъ, впрочемъ весьма слабо

и неполно, характеристику главныхъ племенъ, ее населяющихъ: русскихъ (бѣлоруссовъ и малороссовъ), поляковъ, литовцевъ и евреевъ.

Изданіе атласа роскошное, цѣна весьма доступная—2 р. сер.

Появленіе этнографическаго атласа, въ которомъ рельефно и наглядно выражено пространство, занимаемое каждымъ племенемъ, съ приложеніемъ числовыхъ данныхъ, относящихся къ 1858 году и опубликованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важно въ настоящее время.

Кромѣ нѣкоторыхъ числовыхъ погрѣшностей и частныхъ ошибокъ въ разграниченіи сплошнаго населенія поляковъ (розовая краска) отъ бѣлоруссовъ (темно-зеленая краска), атласу этому, какъ первой попыткѣ, мы не можемъ сдѣлать никакого упрека, а напротивъ, радуемся такому дешевому изданію, въ той увѣренности, что распространеніе его прольетъ настоящій свѣтъ на этнографическій складъ западной Россіи.

Такимъ образомъ, мы уже имѣемъ два атласа западной Россіи: по различію вѣроисповѣданій г. Риттиха, изданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и этнографическій г. Эркерта. Желательно, чтобы и религіозный атласъ былъ также доступенъ

въ новомъ изданіи, какъ атласъ г. Эркерта, который, весною 1863 года, первый издалъ на французскомъ языкѣ этнографическій атласъ западной Россіи, и тѣмъ опровергнулъ неправильные выводы писателей, мало знакомыхъ съ географіей и этнографіей нашего отечества.

По даннымъ г. Эркерта, въ западныхъ губерніяхъ Россіи (*) на 10.800,000 жителей обоего пола приходится:

Русскихъ:	великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малороссовъ	6.454,000	или 60,7%
Поляковъ		1.257,000	» 11,6%
Литовцевъ и латышей		1.795,000	» 16,6%
Евреевъ		1.166,000	» 10,8%
Нѣмцевъ		90,000	» 0,8%
Разныхъ націй (татаръ, цыганъ и др.)		59,000	» 0,5%

По нашему мнѣнію, вотъ каковъ долженъ быть взглядъ на западную Россію:

Главную массу населенія составляютъ русскіе — *бѣлоруссы*, въ сѣверозападныхъ

(*) Курляндская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Волынская, Кіевская и Каменецъ-Подольская.

губерніяхъ, входящихъ въ раіонъ Виленскаго военнаго округа, и *малороссы* — въ югозападныхъ губерніяхъ, въ раіонѣ Кіевскаго военнаго округа. Къ нимъ принадлежатъ исключительно сельскіе жители и значительное число мѣщанъ, а также немного помѣщиковъ въ югозападныхъ губерніяхъ.

Къ одной съ ними категоріи относится и *латышское племя*, состоящее изъ латышей (въ Курляндской и западной части Витебской губ.), Жмуди (въ Ковенской) и Литвы (въ Виленской). Послѣднее составляетъ лишь девятую долю всего населенія западной Россіи.

За тѣмъ слѣдуютъ пришлые элементы: *поляки*, составляющіе высшій классъ населенія, незначительная часть мѣщанъ и такъ называемая шляхта, которая хотя и не признана оффиціально, тѣмъ не менѣе существуетъ въ устахъ народа, по привычкѣ, какъ стихія, бывшая всегда враждебною туземному, т. е. сельскому населенію. Хотя число поляковъ весьма незначительно, но они стремятся придать западной Россіи особый колоритъ и всегда были сильнѣйшею преградою къ сближенію родственныхъ соплеменниковъ — бѣлоруссовъ и малороссовъ съ великоруссами, т. е. русскихъ съ русскими же. Хотя поляки уступаютъ въ числѣ въ пять разъ русскимъ, но

превосходятъ ихъ богатствомъ и силою, обращаясь до сихъ поръ съ послѣдними, какъ побѣдители съ побѣжденными, не смотря на то, что не побѣда упрочила за ними это право, а исключительное положеніе западнорусскаго народа и фанатическій духъ польской шляхты, стремившейся поглотить въ своей ненасытной пасти всю русскую народность, — это, по ихъ понятіямъ, *хамское племя*, — *хлоповъ* (chlopow), въ устахъ кичливыхъ польскихъ аристократовъ.

Число евреевъ почти одинаково съ числомъ поляковъ и, подобно имъ, они болѣе или менѣе разбросаны по всей западной Россіи, живя въ городахъ и мѣстечкахъ и принадлежа исключительно къ мѣщанскому сословію. Не случайно это соотношеніе поляковъ съ евреями; послѣдніе всегда были ближайшими помощниками въ стремленіи къ господству первыхъ. Ходъ событій поставилъ ихъ какъ бы посредниками между шляхтою - поляками и простымъ народомъ, крестьянами - бѣлоруссами и малороссами. Это посредничество, это tiers états, дѣйствовало въ высшей степени пагубно на матеріальное благосостояніе крестьянъ, которые изнывали подъ тяжкой опекой барщины и арендаторства. Не принесли они пользы и городамъ, имѣющимъ исключительно еврейско-шляхетскій характеръ, съ отсутствіемъ промышленности и съ тор-

говлею, основанною на обманѣ сельскаго труженика.

Что касается до прочихъ элементовъ, то они, по количеству, весьма незначительны и потому едва ли обнаруживаютъ вліяніе на соціальный бытъ западной Россіи. Можно сказать только, что нѣмцы отличаются трудолюбіемъ и, подъ именемъ колонистовъ, занимаются промышленностію, особенно на фабрикахъ бывшей Бѣлостокской области, и татары, извѣстные необыкновенною честностію и правдолюбіемъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, по нашему мнѣнію, современное положеніе разнообразныхъ племенъ западной Россіи; въ брошюрѣ же г. Эркерта дается не точный колоритъ общественному положенію западно-р сскихъ элементовъ и недостаточно вѣрно опредѣлено разграниченіе поляковъ отъ русскихъ (бѣлоруссовъ и малороссовъ), наиболѣе многочисленныхъ племенъ, составляющихъ главную и съ древнѣйшихъ временъ осѣдлую массу на пространствѣ къ западу отъ Днѣпра до Карпатовъ, верховій Вислы, устьевъ Нарева и среднихъ частей Нѣмана и Западной Двины.

Чтобы вѣрнѣе опредѣлить нравственное и политическое положеніе жителей, собственно же поляковъ и русскихъ, г. Эркертъ счелъ необходимымъ принять въ основаніе этнографическихъ разграниченій одну лишь религію, и затѣмъ больше ничего. Такое

воззрѣніе, этнографически неправильное, натолкнуло его на большія погрѣшности и далеко не привело его къ *наиболѣе вѣрной* или лучше *наиболѣе практической* цифрѣ поляковъ въ западной Россіи.

Различное исчисленіе поляковъ, по его мнѣнію, до сихъ поръ происходитъ отъ слѣдующихъ четырехъ взглядовъ:

1) *Ультра-русскаго*, опирающагося на языкъ; 2) *русскаго*, основаннаго на теперешнемъ вѣроисповѣданіи; 3) *польскаго* — принявъ въ соображеніе вѣроисповѣданія, существовавшія до 1839 года, такъ какъ уніятская церковь (нынѣ не существующая) de facto была очень близка къ католицизму и 4) *ультра-польскаго*, если не принимать въ соображеніе ни языка, ни религію, а имѣть въ виду одни только безсмысленныя политическія и соціальныя притязанія поляковъ.

Два послѣдніе взгляда въ этнографическомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, не заслуживаютъ никакого вниманія. Мы остановимся на двухъ первыхъ, изъ которыхъ одинъ основанъ на языкѣ, а другой на религіи; послѣдній взглядъ, по мнѣнію г. Эркерта, самый правильный.

Посмотримъ, правъ ли г. Эркертъ въ своемъ взглядѣ относительно бѣлорусскаго населенія. Бѣлоруссы населяютъ губерніи: Могилевскую, Минскую и значительныя части Гродненской, Виленской и Витебской

У г. Эркерта исключены военные, но число ихъ далеко не соотвѣтствуетъ разности между обѣими цифрами всего населенія упомянутыхъ губерній, потому что всѣ вообще военно-служащіе, вмѣстѣ съ солдатскими женами, дѣтьми и безсрочными, въ то время не превосходили 150,000.

Несогласіе въ цифрахъ особенно высказалось въ опредѣленіи поляковъ, которыхъ г. Эркертъ насчиталъ въ два раза болѣе нежели г. Риттихъ—разница почти въ 10%, и въ числѣ литовцевъ съ латышами—разница въ 3,6% общаго населенія 5 губерній.

Въ атласѣ Риттиха находимъ православныхъ — 59,2% и римско-католиковъ — 29,9%; къ первымъ отнесены не всѣ русскіе, и нѣкоторая доля (до 37,000) литовцевъ; къ послѣднимъ—всѣ поляки, почти всѣ литовцы и латыши, а также болѣе 240,000 (т. е. до 6%) русскихъ. Такимъ образомъ, г. Риттихъ нашелъ нужнымъ отдѣлить многихъ католиковъ къ бѣлоруссамъ; совокупляя по его даннымъ число поляковъ съ русскими католической вѣры, получимъ 623,000; съ точки зрѣнія г. Эркерта эта цифра и должна изобразить поляковъ и ополяченныхъ бѣлоруссовъ и малороссовъ; а между тѣмъ, у него показано 791,000 поляковъ, т. е. на 170,000 болѣе?! Стало быть, г. Эркертъ принимаетъ за поляковъ и весьма значительную долю

бѣлоруссовъ и малороссовъ, исповѣдующихъ даже православную вѣру.

Мы намѣрены доказать, что не только такихъ бѣлоруссовъ, но и многихъ католиковъ-бѣлоруссовъ нельзя признать поляками, что по этому взглядъ г. Эркерта не полонъ, чтобы не сказать неправиленъ, и что данная имъ цифра поляковъ, не соотвѣтствуя настоящему ихъ числу, противорѣчитъ собственному же его принципу.

«Трудность провести черту между русскимъ и польскимъ населеніями побудила насъ, говоритъ г. Эркертъ, на основаніи практическихъ, хотя и не строго научныхъ этнологическихъ соображеній, *признать различіе вѣроисповѣданій за главный способъ разграниченія* русскихъ отъ поляковъ въ западныхъ губерніяхъ (*). Всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія въ этой части Россіи должны считаться русскими, а исповѣдущіе римско-католическую вѣру—поляками. Разграниченіе же этихъ народностей *на основаніи языка, само по себѣ важное и знаменательное*, не позволитъ надлежащимъ образомъ понять настоящій порядокъ вещей, ибо историческій ходъ событій наложилъ во всѣхъ отношеніяхъ на русское населеніе западныхъ губерній положительно чуждый типъ, который рѣзко отличается отъ коренной, всецѣло-русской народности (**)».

(*) Стр. 9.
(**) Стр. 7.

«Благодаря положенію и вліянію католическаго духовенства, съ католической религіей соединены совершенно отличное отъ русскаго воспитаніе, совершенно другой кругъ идей, чуждое, чтобы не сказать враждебное русскому, католически западное или, правильнѣе, католически польское направленіе ума и сердца, и католически-польскій образъ мыслей и дѣйствій (*). Поэтому, изслѣдованіе языка можетъ только рѣшить вопросъ о языкѣ и его разграниченіи, а индивидуальный образъ жизни, мыслей и дѣйствій едва ли приведетъ къ тѣмъ же самымъ границамъ народности, которыя можно вывести на данныхъ, основанныхъ на изученіи языка».

«Принятый способъ разграниченія», думаетъ г. Эркертъ, «фактически раздѣляютъ съ нимъ и русскій и польскій простолюдинъ, и гражданскія, и военныя управленія, духовенство, помѣщики и всѣ наши квартировавшія тамъ войска. Въ ихъ глазахъ католикъ, говорящій по бѣлорусски или малороссійски—есть полякъ, самъ себя считаетъ полякомъ, и хочетъ, чтобъ и другіе его считали полякомъ. Выраженіе «католическій бѣлоруссъ» принадлежитъ только научнымъ статьямъ, въ дѣйствительности такого выраженія не существуетъ; встрѣчается только въ Витебской, Могилевской и восточной части Минской губерній выра-

(*) Стр. 10.

женіе «бѣлоруссъ», для означенія народности и «бѣлорусскій», для означенія языка, когда дѣло идетъ о православныхъ жителяхъ,—въ прочихъ мѣстахъ это никому въ народѣ неизвѣстно.»

«Языкъ свой народъ называетъ *простымъ*, а самого себя *русскимъ*, часто *литовцемъ* или просто *крестьяниномъ*. Польское дворянство, а въ особенности католическое духовенство часто называетъ литовцами тѣхъ католиковъ, которые говорятъ по русски, допуская, такимъ образомъ, различіе народности польской отъ народоости русской» (*).

Впрочемъ, г. Эркертъ не хочетъ навязывать другимъ своего взгляда, а потому и цифрамъ своимъ не придаетъ особо важнаго значенія, полагая во всякомъ случаѣ свою цифру поляковъ преувеличенною. «Будущее, которое, впрочемъ, вслѣдствіе теперешнихъ событій, должно дать другія цифры, будетъ лучшимъ судьей.» Однако, по его мнѣнію, едва ли можно полагаться «на представленные съ нѣкоторыхъ сторонъ примѣры вычитанія (?) поляковъ на бумагѣ.» «И то, что правительствомъ и войсками уже сдѣлано, и то, что имъ предстоитъ сдѣлать, не говоритъ въ пользу малочисленности поляковъ (**)».

Таково въ частности воззрѣніе г. Эркер-

(**) Стр. 8.

(*) Стр. 11.

га на славянскія народности западныхъ губерній.

Мы не можемъ понять разграниченія славянъ западной Россіи по вѣроисповѣданіямъ, возведеннаго въ принципъ его этнографическаго атласа; мы полагаемъ, что и этнографія не допускаетъ такого произвольнаго разграниченія одного славянскаго племени отъ другаго. Жизнь каждаго народа слагается изъ столь разнообразныхъ элементовъ, что нельзя представить себѣ ни одного племени безъ совокупленія всѣхъ его особенностей, всѣхъ этихъ стихій человѣческаго существованія въ одно цѣлое.

Самая осязательная способность человѣка, которою онъ отличается отъ животныхъ и въ которой обнаруживается дѣятельность его духовной жизни и его физическихъ потребностей — есть *языкъ*, какъ нѣчто исходящее отъ человѣка, какъ бы независимо отъ его воли,—какъ продуктъ его мышленій и побужденій, данныхъ отъ природы. Затѣмъ, слѣдуютъ извѣстныя проявленія въ частномъ быту и въ общественной жизни, опредѣляющія характеръ каждаго народа — нравы, обычаи, религію, предразсудки, пищу, одежду и т. п. И не было еще народа, который не обладалъ бы особымъ языкомъ и формами, лежащими и такъ сказать, въ природѣ его частной и общественной жизни. Чтобы убѣдиться, къ

какому племени принадлежатъ жители извѣстной страны, самымъ вѣрнымъ и практическимъ способомъ прежде всего служитъ языкъ, а за нимъ и другія жизненныя явленія, потому что языкъ есть какъ бы родовой гербъ, завѣщанный человѣку его предками, народу—его кореннымъ племенемъ; это зеркало, въ которомъ всего ощутительнѣе выражается нравственный характеръ и даже вся исторія народа, *языкъ живетъ съ народомъ, вмѣстѣ съ нимъ развивается и умираетъ.*

Подобно народу, каждый языкъ имѣетъ свои особенности, т. е. опредѣленный характеръ произношенія и словоударенія, опредѣленныя логическія формы, свой такъ сказать духъ, какъ отпечатокъ духовной стороны народа, который по наслѣдству отъ поколѣнія въ поколѣніе передаетъ голосовые органы въ формѣ, однажды усвоенной.

Вотъ почему лучшимъ средствомъ для этнографа вообще, а тѣмъ болѣе въ странѣ населенной столь разнообразно, какъ наша западная Россія,—первымъ долгомъ этнографа при опредѣленіи племеннаго различія или родственности населенія должно быть изслѣдованіе языка или нарѣчій, какъ вѣтвей одного дерева. Это и самый правдивый, и самый практическій способъ.

Другаго исходнаго пункта не существуетъ. И самъ г. Эркертъ чѣмъ, какъ не

языкомъ руководствовался при разграниченіи бѣлоруссовъ отъ малороссовъ, литовцевъ и латышей—отъ бѣлоруссовъ и поляковъ. А между тѣмъ не хочетъ признать такого же принципа для разграниченія поляковъ отъ бѣлоруссовъ и малороссовъ!?

Мы этого не можемъ понять, и думаемъ, что г. Эркертъ при разрѣшеніи своей задачи увлекся нѣкоторыми частными явленіями.

Отступничество высшаго сословія отъ своей вѣры и языка, наводненіе русскихъ странъ евреями и поляками, распространеніе католицизма и уніи не поколебало малороссовъ и бѣлоруссовъ, которые сохраняютъ свой языкъ, какъ несомнѣнный отпечатокъ ихъ русскаго, а слѣдовательно, не польскаго происхожденія. Какое намъ дѣло до того, что бѣлоруссы не называютъ себя бѣлоруссами, а *простыми*.

Но они говорятъ по бѣлорусски, слѣдовательно чувствуютъ и думаютъ по русски; отнимать у нихъ это право не можетъ самый безпристрастный холодный взглядъ, опирающійся на одну вѣру. Они, не зная того что они бѣлоруссы—сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ, свои опредѣленныя, національныя, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ,—свои права, свои обычаи и т. п. Вѣроятно, не безъ извѣстно

г. Эркерту, что у бѣлоруссовъ, независимо отъ вѣры во Христа и притомъ безразлично по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокія вѣрованія въ нѣкоторыя естественныя явленія, какъ въ нѣчто необыкновенное, предубѣжденія, вѣра въ колдовство и чародѣйство;—въ этомъ независимо отъ Евангелія заключается ихъ книга судебъ, ихъ мораль, загадка и разгадка ихъ существованія.

Исполняя всѣ христіанскіе обряды какъ бы безсознательно, бѣлоруссъ, я говорю о большинствѣ—о крестьянахъ, будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣжденія, свою нравственную философію и передаетъ все это вмѣстѣ съ языкомъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе, упругое, неподатливое для просвѣтительныхъ началъ церкви, перенося бѣлорусса въ особый міръ чаръ и злыхъ духовъ, сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы и всегда неразлучно съ его языкомъ; въ этомъ-то и надобно искать племеннаго разграниченія здѣшнихъ славянъ, тутъ выяснится племенное отличіе бѣлоруссовъ и происхожденіе ихъ отъ одного корня съ великоруссами.

Религіозный же принципъ не поможетъ тамъ, гдѣ вѣра народа, однажды насильно утраченная, была опозорена насиліями іезуитовъ, увлекавшихъ шляхту къ пріобрѣтенію

матеріальныхъ выгодъ и употреблявшихъ всѣ средства къ извращенію убѣжденій массы бѣлорусскаго народа, бывшаго въ глазахъ панства чѣмъ-то презрѣннымъ, недостойнымъ человѣческаго названія. По этому ошибается г. Эркертъ, думая, что при низкомъ образованіи народа лучшимъ признакамъ національности есть религія. Мы съ этимъ никакъ не можемъ согласиться по отношенію крестьянъ бѣлоруссовъ и малороссовъ Гродненской губерніи.

Сохраняя глубокую вѣру во Христа, иные крестьяне по видимому не придерживаются извѣстной церкви, и если между православными встрѣчаются такіе, которые любятъ ходить въ костелъ, то и между католиками не мало такихъ, которые ходятъ въ православную церковь. Намъ случалось встрѣчать католиковъ бѣлоруссовъ, не пропускавшихъ ни одного торжества въ православной церкви. И мы полагаемъ, что это безразличіе въ глазахъ бѣлоруссовъ не случайное,—оно есть результатъ того исключительнаго положенія страны въ вѣка минувшіе, когда крестьянъ насильно принуждали мѣнять церковь. Это отчасти объясняетъ легкость возвращенія уніятовъ въ православіе, т. е. въ первобытную церковь бѣлоруссовъ.

Низкая степень умственнаго развитія, продолжительное рабство подъ гнетомъ по-

лонизма, произволъ шляхты, этой чуждой стихіи восточныхъ славянъ, замкнутость и отчужденность отъ всего прочаго славянскаго міра характеризуютъ бѣлоруссовъ и малороссовъ Гродненской губерніи; тѣмъ не менѣе, эти славяне соединены были вѣками, сами того не вѣдая, съ восточными славянами неизгладимою печатью языка, выражаемаго въ сходныхъ и тождественныхъ логическихъ формахъ, словоударе-ніяхъ въ пѣсняхъ, пословицахъ, въ предразсудкахъ и суевѣріи и въ нѣкоторыхъ обычаяхъ. Повидимому, они одинаково страдали—тѣ отъ монголовъ, эти отъ поляковъ, тамъ и здѣсь въ языкъ вкрались чуждыя слова, нерѣдко другія формы, нѣкоторые обычаи; но тѣ и другіе сохранили свои племенныя особенности, которыя въ общемъ приводятъ къ одному корню, къ одному историческому началу, къ единому бытовому происхожденію.

Г. Эркертъ частныя явленія и виды возводитъ въ общій родъ и хочетъ по характеру польскихъ и ополяченныхъ латинствомъ помѣщиковъ и шляхты судить о характерѣ бѣлоруссовъ. Дѣйствительно, высшія сословія подъ вліяніемъ латинства измѣнили языкъ, и, въ большинствѣ, прежде всего усвоили польскій языкъ, со всею обстановкою жизни, а потомъ переходили въ латинство, и, такимъ образомъ, ополячивались. Къ нимъ примкнула часть мѣщанъ

наконецъ ихъ дополняли переселенцы изъ Польши, все-таки не такъ еще многочисленные, какъ хотѣлось бы думать г. Эркерту, потому что полонизація производилась въ верхнихъ слояхъ и весьма мало касалась низшаго слоя народа, въ чемъ и самъ убѣжденъ г. Эркертъ. «Какъ въ религіозной политикѣ католическаго духовенства, такъ и въ національной политикѣ высшаго польскаго (и прибавимъ ополяченнаго) дворянства, настоящій или простой народъ, совсѣмъ не принимается въ соображеніе и, какъ chlopy, вовсе не входитъ въ общій разсчетъ» (*). «На массу крестьянъ русскихъ, т. е. бѣлорусскихъ и литовскихъ, смотрѣли, какъ на вещь, которая принадлежитъ дворянству» (**). И дѣйствительно, въ юго-западной части Бѣлоруссіи, въ нынѣшней Гродненской губерніи, болѣе всего подверженной польскому вліянію, — число поляковъ между крестьянами весьма невелико, кромѣ незначительной западной полосы бывшей Бѣлостокской области, гдѣ между сплошными польскими околицами шляхты встрѣчаются сплошныя мѣста, населенныя мазурами; въ прочихъ же частяхъ губерніи, кромѣ нѣсколькихъ околицъ шляхты, не встрѣчается крестьянъ поляковъ. Мы

(*) Стр. 28.

(**) Стр. 34.

также озадачены слѣдующею тирадою г. Эркерта, что «тамошній (т. е. въ западной Россіи) русскій элементъ является въ какомъ-то чуждомъ и выродившемся видѣ» (*).

Пока латинство не прикасало къ нимъ своихъ разрушительныхъ перстовъ, до тѣхъ поръ бѣлоруссы не чувствовали никакой надобности заявлять полякамъ о своемъ русскомъ происхожденіи. Но когда безпокойные іезуиты стали тревожить ихъ совѣсть, тогда они, наравнѣ съ малороссами, стали заявлять себя разными протестами, приводившими въ смущеніе рѣчь посполитую; они сопротивлялись введенію въ свою среду чуждой западной стихіи, не сходной славянству; они охотно приставали къ полчищамъ Хмѣльницкаго и не только села, но и города открывали казакамъ ворота; потому что они видѣли въ нихъ спасителей своей народности, своей племенной самобытности.

Все польское вліяніе ограничилось порабощеніемъ простаго народа, который, перенося всевозможныя неправды съ непоколебимою стойкостію, при всякомъ удобномъ случаѣ отталкивалъ всѣ попытки полонизаціи. Бѣлорусскій народъ чутко сознавалъ, что его рабства, его страданій не измѣнитъ ни католическая вѣра, ни польскій языкъ— а потому оставался въ своей замкнутой

(*) Стр. 28.

средѣ, недосягаемый для вкрадчивой полонизаціи. Ополячивались помѣщичьи мызы, полонизировались города, переполненные католическимъ духовенствомъ и евреями, но сельскія хижины оставались тѣми же курными бѣлорусскими хатами съ толпою босоногихъ, умиравшихъ съ голоду и холоду ребятишекъ. И сельскій труженикъ равнодушно, какъ автоматъ, ходилъ на сооруженіе панскихъ чертоговъ и католическихъ монастырей, появленіе которыхъ его смущало только потому, что онъ чувствовалъ бѣду—и отъ шляхтича экономa, ходившаго съ кнутомъ за его плечами, и отъ шинкаря еврея, высасывавшаго остатки его силъ, и отъ самого ясневельможнаго пана, сгонявшаго толпы для потѣхи въ сосѣднемъ лѣсу!... Г. Эркертъ, повидимому, хорошо знакомый съ судьбою западной Россіи, не оцѣнилъ однако съ должнымъ безпристрастіемъ этихъ особенностей, вліявшихъ на судьбу бѣлоруссовъ и, можетъ быть, тѣмъ самымъ способствовавшихъ всецѣлому сохраненію ихъ національнаго быта, не смотря на различіе религіозныхъ убѣжденій, не смотря на всѣ попытки разрушенія племенныхъ особенностей. Само собою разумѣется, что бѣлоруссы и великоруссы представляютъ два отдѣльные типа. Но бѣлоруссъ далеко не представляется въ чуждомъ и выродившемся видѣ. На немъ отразились нѣкоторыя внѣшнія обще-

мѣщикъ, и тотъ и другой никогда не скажутъ о бѣлоруссѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру—что онъ бѣлоруссъ или русскій, а скажутъ литовецъ. Литовецъ вовсе не полякъ; поговорите съ этимъ литовцемъ—и вы услышите бѣлорусскую рѣчь, вамъ, русскому человѣку, понятную, а литовскаго языка вы не знаете, и настоящаго литовца, со всѣмъ запасомъ польскихъ и бѣлорусскихъ словъ, вы не поймете. Мы имѣемъ этнографическіе списки отъ священниковъ и нѣкоторыхъ ксендзовъ Гродненской губерніи, доставленные намъ въ числѣ другихъ матеріаловъ, при исполненіи возложеннаго на насъ порученія (*). На спискахъ тѣхъ и другихъ прихожане, какъ православные, такъ и католики, названы литовцами и тутъ же приложены образчики языка—вы думаете литовскаго, нѣтъ бѣлорусскаго или малороссійскаго. Между тѣмъ, мы знаемъ, что собственно литовцы въ Гродненской губерніи живутъ только въ нѣсколькихъ селеніяхъ Гродненскаго и трехъ деревняхъ Слонимскаго уѣздовъ, тамъ они и говорятъ по литовски,

(*) По составленію статистическаго описанія Гродненской губерніи, изданнаго въ свѣтъ генеральнымъ штабомъ, въ числѣ другихъ трудовъ офицеровъ этого штаба, подъ общимъ заглавіемъ: Матеріалы «для географіи и статистики Россіи».

а всѣ прочіе прихожане, болѣе 600,000, неправильно принимаются за литовцевъ — это бѣлоруссы и малороссы, потому что ихъ рѣчь бѣлорусская и малороссская.

Не только эти бѣлорусскіе крестьяне не называютъ себя бѣлоруссами, не только многіе священники, но даже и ксендзы, не говоря о помѣщикахъ, бѣлоруссовъ считаютъ литовцами. И если одни дѣлаютъ это по невѣжеству, то другіе допускаютъ различіе народностей бѣлорусской отъ польской, и допускаютъ это различіе не на основаніи религіи, а на основаніи бѣлорусскаго языка, дѣлая въ то же время сознательную или безсознательно грубую этнографическую ошибку.

Ни одинъ ксендзъ прихожанъ своихъ, говорящихъ по бѣлорусски, не назвалъ поляками, а назвалъ ихъ литовцами, и это онъ дѣлалъ потому, что эти бѣлоруссы когда-то входили въ число народностей литовскаго государства. Мы видимъ тутъ не политическую ошибку, какъ думаетъ г. Эркертъ, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку. Ибо тотъ же ксендзъ поляковъ своего прихода не называлъ литовцами, а преисправно заносилъ ихъ въ графу поляковъ, за то и бѣлоруссовъ не причислялъ къ русскимъ, но и не къ полякамъ, а считалъ ихъ въ числѣ литовцевъ, хотя тѣ и одного слова не знали по литовски. То

же самое сдѣлаетъ помѣщикъ и всякій чиновникъ, ибо русскій человѣкъ, мало знакомый съ характеромъ прошедшаго и зная о настоящемъ бытовомъ положеніи бѣлоруссовъ по указаніямъ окружающихъ его поляковъ, повѣритъ ихъ сознательной и безсознательной неправдѣ.

Поэтому и въ брошюрѣ: «La Restauration de la Pologne, p. M. M. Th. et M. A. Obricht» (*), по поводу взгляда г. Эркерта на разселеніе западныхъ губерній, весьма справедливо замѣчено:

Il est impossible de résoudre les questions ethnographiques en Russie, pas plus que dans la reste de l'Europe, par cette formule: «Quiconque est catholique est Polonais».

Такъ рѣшать этнографическій вопросъ не только невозможно, но противоестественно, и мы думаемъ, что французъ лютеранинъ немало бы удивился, если бы этнографъ назвалъ его нѣмцемъ.

II.

Неправильное воззрѣніе, какъ мы замѣтили въ нашей первой статьѣ, привело г. Эркерта къ преувеличенной цифрѣ поляковъ въ западной Россіи. Вмѣсто одного милліона и то не полнаго, у него явилось тамъ поляковъ 1,257,000, болѣе чѣмъ на $25,_5\%_0$.

(*) Вышедшей недавно въ Парижѣ, на ст. 8

Наибольшее преувеличеніе сдѣлано въ Гродненской губерніи, гдѣ г. Эркертъ насчиталъ 270,000 поляковъ, т. е. столько же, сколько по спискамъ консисторіи считается прихожанъ римско-католическаго вѣроисповѣданія (*). Мы же опредѣлили для Гродненской губерніи число поляковъ въ 83,800 (**). Г. Эркертъ думаетъ, что наша цифра неправильна.

На стр. 56 его брошюры, приложенной къ этнографическому атласу, говорится такъ:

«Недавно для Гродненской губерніи, вмѣсто сообщенной нами цифры 270,000 поляковъ, предложено только 83,800 человѣкъ, хотя при этомъ не совсѣмъ ясно изложено, на чемъ основанъ такой способъ исчисленія». Въ доказательство неясности приводятся наши слова (стр. 619), когда мы говоримъ, что вслѣдствіе сильнаго гнета латинства, неразлучнаго съ польскимъ вліяніемъ въ западныхъ губерніяхъ, русская народность потерпѣла сильный ущербъ, «такъ что теперь каждый помѣщикъ, шляхтичъ, мѣщанинъ и

(*) См. Матеріалы для стат. Россіи: *Гродненская* губернія, т. I. стр. 680 и 61 приложеніе. Въ 1860 г. католиковъ считалось 273,276 об. п. или 33%, и литовцевъ 2,800. См. также атласъ г. *Риттиха* — католиковъ 273,121 и поляковъ 82,689.

(**) См. тамъ же, стр. 615.

многочисленная дворня въ Гродненской губерніи чистосердечно считаютъ себя поляками». Для полноты, г. Эркерту слѣдовало бы привести и слѣдующія затѣмъ наши слова: «какимъ образомъ вокругъ польскихъ городовъ и польскихъ помѣщичьихъ дворовъ остается масса народа, которая говоритъ малороссійскимъ и бѣлорусскимъ языкомъ и исповѣдуетъ православную вѣру? Кажется, ясно, что сказанный нами ущербъ русской народности относится исключительно къ высшему сословію, измѣнившему національность подъ вліяніемъ католицизма и нынѣ совершенно ополяченному: да и самъ г. Эркертъ въ историческомъ развитіи своего вопроса, какъ мы выше видѣли, держится того же убѣжденія, что ополяченіе производилось только въ высшихъ слояхъ, а простой народъ не принимался въ соображеніе, какъ вещь,—его, слѣдовательно, не ополячило латинство; унія, въ томъ видѣ, какъ она держалась до послѣднихъ временъ своего существованія, была слишкомъ слаба и подавлена, и тоже не мѣшала бѣлоруссамъ держаться своей народности. Она была также презрѣнна въ глазахъ поляковъ, какъ ничтоженъ былъ въ глазахъ пановъ—хлопъ, chan.

Нашу цифру г. Эркертъ считаетъ неправильною, потому что: «во 1) Гродненская губ. болѣе другихъ прилегала къ Польшѣ, во 2) западная часть губерніи вѣками

принадлежала непосредственно къ Польшѣ; наконецъ, въ одной только Гродненской губерніи очень большая часть сельскаго населенія состоитъ изъ поляковъ».

Совершенно справедливо первое положеніе, что Гродненская губернія ближе другихъ къ Польшѣ, но третье положеніе далеко не вѣрно, а второе требуетъ поясненія.

По Люблинской уніи 1569 года, подъ непосредственное управленіе Польши, кромѣ Волыни и Подоліи, вошло и *Подлясье*, такъ называется страна, населенная нѣкогда ятвягами, въ восточной части которой впослѣдствіи образовалась Бѣлостокская область; остальныя части нынѣшней Гродненской губерніи входили въ составъ воеводствъ: брестскаго, новогрудскаго и трокскаго, слѣдовавшихъ литовскому статуту, и никогда не подчинялись непосредственно Польшѣ, наравнѣ съ прочими странами, населенными бѣлоруссами.

Вліяніе Польши дѣйствительно было сильное въ Подлясьи, а на прочія части Гродненской губерніи, входившія въ составъ упомянутыхъ воеводствъ, оно дѣйствовало точно также, какъ и на земли, составившія впослѣдствіи губерніи: Минскую, Витебскую и Могилевскую. Тѣмъ не менѣе, въ Подлясьи сохранились бѣлоруссы, и притомъ въ уѣздахъ Бѣлостокскомъ, Бѣльскомъ и Сокольскомъ они вдвое многочисленнѣе поляковъ.

Увеличеніе здѣсь числа русскихъ посе-

леній началось особенно со временъ Витольда; тогда же съ запада въ землю ятвяговъ, принадлежавшую Литвѣ, устремилась и обѣднѣвшая мазовецкая шляхта. Подлясье, такимъ образомъ, заселилось двумя племенами славянъ, различными по происхожденію, языку, нравамъ, обычаямъ и вѣрѣ.

На картѣ Гродненской губерніи, приложенной къ нашей статистикѣ, проведена черта, служащая разграниченіемъ русскихъ, т. е. бѣлоруссовъ, отъ поляковъ, т. е. мазовшанъ. Такое разграниченіе основано нами на мнѣніи современнаго литовскаго историка Ярошевича, уроженца Подлясья, католика по вѣроисповѣданію (*); на стр. 618 нашей статистики мы поименовали двѣ полосы деревень, служащихъ соприкосновеніемъ бѣлорусскаго племени съ польскимъ; этимъ фактомъ мы обязаны Ярошевичу. Мы повѣрили его указанія мнѣніемъ г. Куклинскаго, написавшаго правдивую статью о западной части Гродненской губерніи, въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи, и данными свящ. Парчевскаго, имѣющаго полный списокъ поселеній Гродненской губерніи, въ которыхъ живутъ поляки, и составившаго этнографическую карту

(*) Ярошевичъ былъ профессоръ Виленскаго университета и жилъ въ г. Бѣльскѣ лѣтъ 30, отъ закрытія университета до своей смерти въ 1861 г.

этой губерніи, къ сожалѣнію затерянную, въ виленскомъ цензурномъ комитетѣ (вѣроятно нечаянно), когда авторъ испрашивалъ разрѣшеніе на отпечатаніе карты.

Данныя Ярошевича, исходившаго Подлясье въ теченіе своей продолжительной жизни въ Подлясіи, и свящ. Парчевскаго, занимающагося доселѣ этнографіей, весьма важны и не могутъ не быть приняты въ основаніе этнографическаго вопроса западной части Гродненской губерніи.

Этнографія страны не была нашею спеціальною цѣлію, но, сколько намъ позволяли средства, мы убѣдились, что данныя Ярошевича и Парчевскаго вполнѣ справедливы. Убѣжденіе наше основывается не только на личныхъ съ ними объясненіяхъ, но и на изслѣдованіяхъ, напечатанныхъ въ «Этнографическомъ Сборникѣ.» (Вып. III).

Въ бѣлоруссахъ подлясскихъ мы нашли языкъ такой же, какъ и въ прочихъ мѣстахъ губерніи, менѣе подпавшихъ вліянію Польши, — тѣ же созвучія, тотъ же складъ рѣчи, тѣ же пѣсни, тѣ же нравы, ту же одежду, тотъ же типъ бѣлорусса. Встрѣчали нѣкоторое разнообразіе въ созвучіи гласныхъ буквъ — въ измѣненіи *о* на *а* и замѣтили даже, что заблудовское нарѣчіе, на которомъ говорятъ безразлично прихожане католической и православной приходскихъ церквей, живущіе въ 40 деревняхъ вокругъ м. Заблудова, — рѣзко отличается

ность, и если въ своей рѣчи усвоили нѣсколько польскихъ словъ, то не измѣнили ни словоударенiй, ни характера и тона рѣчи. Они говорятъ можетъ быть не такимъ чистымъ бѣлорусскимъ нарѣчiемъ, какъ бѣлоруссы Могилевской губернiи, но изъ этого не слѣдуетъ, что они поляки. Между языками заблудовскимъ и мазовецкимъ нѣтъ никакого сходства.

Собственно поляковъ въ восточной полосѣ губернiи несравненно больше, нежели въ Бѣлостокской области, гдѣ мѣстами простираются сплошные ряды околицъ, населенныхъ шляхтою, и деревень, въ которыхъ живутъ мазуры, среди сплошной массы бѣлорусскихъ деревень, жители которыхъ всегда были враждебны къ этой шляхтѣ, польской или ополяченной.

Въ подтвержденiе нашихъ словъ приводимъ исчисленiе польскихъ населенныхъ мѣстъ Гродненской губернiи по уѣздамъ:

	Населен. мѣстъ.		
Бѣльскiй	329,	въ томъ числѣ	190 окол.
Бѣлостокскiй	428	— — —	66 —
Сокольскiй	58	— — —	23 —
Гродненскiй	54	— — —	53 —
Волковискiй	27	— — —	22 —
Кобринскiй, Пружанскiй, Слонимскiй, Брестскiй	25	— — —	24 —

Итого въ Гродненской губернiи, по Парчевскому, населенныхъ мѣстъ, въ ко-

торыхъ живутъ поляки, не считая городовъ и помѣщичьихъ усадьбъ, 945; а именно: 397 околицъ, 27 селъ, 425 деревень и 96 застѣнковъ.

Въ строгомъ смыслѣ слова, чисто польскими поселеніями слѣдуетъ назвать одни *околицы* и *застѣнки*, родъ хуторовъ. Тутъ и живутъ исключительно поляки, большею частью бывшая шляхта, но въ деревняхъ и селахъ поляки всегда перемѣшаны съ бѣлоруссами и рѣдко составляютъ большинство. По всей вѣроятности, это ополяченные бѣлоруссы, потому что они не похожи на польскую шляхту, не имѣютъ съ поляками никакой солидарности, а только говорятъ по-польски и исповѣдуютъ римско-католическую вѣру. Ихъ одежда, нравы, обычаи тѣ же, что и у бѣлоруссовъ; къ тому же число ихъ весьма ограничено.

Второй родъ поселеній, въ которыхъ живутъ поляки, составляютъ города.

Здѣсь къ полякамъ мы причисляемъ всѣхъ вообще дворянъ и чиновниковъ, кромѣ великорусскихъ, и значительную часть мѣщанъ.

Разсмотримъ, на сколько справедливо мнѣніе г. Эркерта, что почти всѣ мѣщане поляки.

Обратите вниманіе на монографію городовъ Гродненской губерніи и вы увидите, что кромѣ Бѣлостока и Соколки—городовъ позднѣйшаго происхожденія, всѣ прочіе,

съ древнѣйшихъ временъ, населены были русскими и имѣли по нѣскольку православныхъ церквей, таковы: *Дрогичинъ*, мѣсто коронованія знаменитаго въ исторіи западной Россіи Даніила Романовича; *Мельникъ*, удѣлъ князей галицкихъ, *Брестъ*, древнее Берестье, неизвѣстно почему называемый теперь литовскимъ; *Гродно*, древнее Городно, Городенъ—столица Всеволода и сыновей его Бориса и Глѣба, положившихъ основаніе древнѣйшему православному храму въ западной Россіи и извѣстному теперь подъ именемъ *Коложи*. *Бѣльскъ* — бывшій со временъ Мстислава Даниловича укрѣпленнымъ городомъ Володимиріи или Ладомиріи; *Каменецъ*—называемый теперь литовскимъ, основанный Владиміромъ (Философомъ) Васильковичемъ, который «създа же въ немъ столпъ каменъ, высотой 17 саженей, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань» и пр. (*). Эта—буро-красная башня, съ зубчатымъ верхомъ и тремя окнами на подобіе амбразуръ,—другой уцѣлѣвшій памятникъ русской старины потомковъ Владиміра Святаго, переживаетъ двадцатое поколѣніе; *Кобринъ*—съ замкомъ, основаннымъ потомками Изяслава I въ XII столѣтіи, бывшій удѣломъ Ольги Романовны, супруги упомянутаго Владиміра; замокъ существовалъ 5 вѣковъ и срытъ

(*) П. С. Р. Л. т. II, стр. 222.

только въ исходѣ прошедшаго столѣтія по приказанію Суворова; *Слонимъ* — принадлежавшій князьямъ Туровскимъ, на поляхъ котораго въ 1040 году Ярославъ I нанесъ пораженіе литовцамъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ городахъ были православные храмы; въ XII и XIII столѣтіяхъ, когда на пространствѣ нынѣшней Гродненской губерніи не было ни одного католическаго храма, жители этихъ городовъ были православные бѣлоруссы и малороссы, города сохраняли еще свои древнія учрежденія въ XV столѣтіи, и только во времена династіи Ягеллоновъ, со введеніемъ магдебургскаго права, стали терять эти учрежденія.

Введеніе народнаго представительства, систематическое уложеніе статутовъ, соединеніе Литвы съ Польшею, призваніе іезуитовъ и религіозныя реформы, плодомъ которыхъ была брестская унія—обнаруживъ рѣшительное вліяніе на политическій строй литовско-русскаго государства, сильнѣе чѣмъ гдѣ нибудь отразились въ городахъ, какъ центрахъ народной дѣятельности. Подъ вліяніемъ Польши измѣнились городскія учрежденія; въ составѣ городскаго общества, произошли значительныя измѣненія, но языкъ русскій удержался до конца XVII столѣтія.

Успѣхи латинства, впрягшаго въ свою колесницу унію, были такъ рѣшительны, что въ исходѣ прошедшаго столѣтія въ городахъ

осталось только по одному православному храму, въ Бѣльскѣ и Дрогичинѣ; всѣ прочіе, какъ здѣсь, такъ и въ прочихъ городахъ, были римско-католическіе и уніятскіе. Въ Гроднѣ, напримѣръ, въ 1560 году, т. е. до уніи, было 6 православныхъ церквей и только двѣ католическія, а въ исходѣ прошедшаго столѣтія—5 католическихъ монастырей, уніятскій монастырь и церковь, и ни одной православной церкви. — Такую же перемѣну мы нашли въ Бѣльскѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Слонимѣ и проч., разница была только въ отношеніи уніятскихъ храмовъ къ латинскимъ. Города приняли чисто еврейскій характеръ; евреи въ городскомъ населеніи составили половину, остальные были уніяты или католики. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ городахъ исчезла русская народность.

Представители русской народности, православные, постоянно боролись съ католиками; нерѣдко доходило до кровавыхъ сценъ; но они должны были уступить подавляющей силѣ латинства и происканъ іезуитовъ, и мало по малу переходили въ унію, а многіе въ латинство, но тѣ и другіе сохраняли свой природной бѣлорусскій языкъ.

Съ возстановленіемъ православія, всѣ уніяты возвратились въ православіе и теперь, во всѣхъ городахъ, при каждой городской приходской церкви, насчитываются сотни православныхъ мѣщанъ; они говорятъ по бѣлорусски и малороссійски и потому не

могутъ считаться поляками. Исключеніе составляютъ мѣщане Бѣлостока, Соколки и другихъ заштатныхъ городовъ Бѣлостокскаго и Сокольскаго уѣздовъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ: Домбровѣ, Суховолѣ, Яновѣ, Корицынѣ и Голіопдзѣ нѣтъ ни одного православнаго прихожанина.

Всѣхъ мѣщанъ христіанъ по 10-й ревизіи 10,789, и въ томъ числѣ католиковъ до 8,000. Но многіе мѣщане-католики говорятъ по бѣлорусски или малорусски, собственно же поляковъ, т. е. выходцевъ изъ Польши, весьма мало; остальныхъ же мѣщанъ-католиковъ мы не въ правѣ причислять къ полякамъ; только вѣковыя событія и непосредственное дѣйствіе латинянъ, которые, учреждая при костелахъ школы, учили въ нихъ нѣкоторыхъ мѣщанскихъ дѣтей, могли ополячить незначительное число мѣщанъ-католиковъ, не убивъ между ними употребленія природнаго языка.

Еще сильнѣе вліяніе Польши отразилось на дворянскомъ сословіи. Вліяніе это началось замѣтно современъ Люблинской уніи. До нея высшее сословіе состояло изъ православныхъ русскихъ, частію же литовскихъ князей, бояръ, дружинниковъ и разныхъ чиновниковъ. Городельскій актъ стѣснилъ высшее сословіе православнаго вѣроисповѣданія, открывъ просторъ латинянамъ, а со времени люблинской (гражданской) уніи, и еще болѣе послѣ введенія брестской (ре-

лигіозной) уніи,—православные болѣе лишены были законнаго покровительства. Въ литовской Руси появилось новое дворянское сословіе по образцу польской шляхты; надобно было только исповѣдывать римско-католическую вѣру, чтобъ не лишиться преимуществъ; въ противномъ случаѣ, русскій православный боярин лишался правъ располагать своею собственностію, а потомки его переходили въ сельское сословіе, т. е. дѣлались рабами ополяченной шляхты. Собственно польскіе шляхетскіе роды многочисленны только въ Подлясьи, въ прочихъ же частяхъ—шляхта почти исключительно состояла изъ окатоличенныхъ бѣлорусскихъ фамилій.

Многіе роды нынѣшнихъ дворянъ Гродненской губ. могутъ доискаться своихъ православныхъ предковъ, и большая часть дворянскихъ родовъ обязана своему шляхетскому роду временамъ позднѣйшимъ, послѣднимъ двумъ столѣтіямъ—когда пріобрѣтеніе шляхетства почти ничего не стоило, когда идея у шляхценя (uszlachcenia) составляла главную заботу польскаго правительства. Надобно было принять только латинство.

И такъ, справедливость требуетъ сказать, что нынѣшнее дворянство Гродненской губ. по происхожденію говоря вообще) не можетъ быть причислено къ польскому племени; но оно исповѣдуетъ римско-като-

ческую вѣру, говоритъ по польски, дышетъ Польшею и ненавидитъ Россію. Всѣ помѣщики себя считаютъ поляками, да и мы ихъ не можемъ назвать бѣлоруссами. Къ нимъ примыкаетъ и незначительное число римско-католическаго духовенства, хотя большинство ксендзовъ вышло изъ среды бѣлорусскаго народа.

Побывавшій въ помѣщичьей усадьбѣ замѣтитъ также, что дворня говоритъ по польски. Помѣщикъ могъ любаго крестьянина или крестьянку взять въ свою усадьбу. Въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ дворовый бывалъ ополяченъ; потомки его нерѣдко становились арендаторами, экономами, а отсюда былъ одинъ шагъ къ шляхетству. Только высшая прислуга не знаетъ по-бѣлорусски, прочая иначе и не говоритъ, какъ на родномъ бѣлорусскомъ языкѣ, и только предъ своимъ ясневельможнымъ паномъ коверкаетъ польскій языкъ. Слѣдовательно, дворню помѣщиковъ съ весьма малыми исключеніями справедливѣе причислять къ тому самому племени, къ какому принадлежатъ окрестные крестьяне, хотя у этой дворни, особенно поставленной выше, есть сильное желаніе во всемъ подражать своимъ господамъ.

«Цифра 83,000 поляковъ, говоритъ г. Эркертъ (на 57 стр.), основана на исчисленіи, произведенномъ въ 1848 г. Вторичное исчисленіе, основанное на различіи языковъ,

привело бы ближе къ истинѣ; авторъ самъ сознается, что сдѣлать это очень трудно и что точный результатъ, по нашему мнѣнію, едва ли возможенъ, потому что пришлось бы посѣтить каждую помѣщичью усадьбу.»

Наша цифра 83,000 основана на данныхъ г. Парчевскаго, на его спискахъ деревень, населенныхъ поляками, и мы вполнѣ вѣримъ этимъ спискамъ, почтому что: 1) мы увѣрены въ его безпристрастіи и добросовѣстности и 2) исчисленіе его согласуется со всею историческою судьбою прошедшаго, указаніями г. Ярошевича и нашими изслѣдованіями. Мы не могли сами составить новаго списка, потому что этнографія страны для насъ была дѣломъ второстепеннымъ.

Мы повѣрили Парчевскому, какъ спеціалисту, который обязательно удѣлилъ намъ свои изслѣдованія, стоившія ему многолѣтнихъ трудовъ. Объ этомъ слѣдовало бы упомянуть г. Эркерту, потому что въ своей статистикѣ мы указали на источники. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ этнографія западной Россіи, должны быть на лицо всѣ документы, иначе легко другихъ ввести въ заблужденіе. А потому нельзя не пожалѣть, что въ брошюрѣ г. Эркерта не указано подробныхъ данныхъ, приведшихъ его къ цифрѣ поляковъ, втрое превосходящей нашу. Если авторъ рѣшился доказывать неточность нашей цифры, то этой неточности слѣдовало бы противопоставить свои точнѣйшія чи-

словыя данныя; не ограничиваясь общимъ выводомъ, ему, по нашему мнѣнію, слѣдовало исчислить по каждому уѣзду поляковъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, было видно, что онъ «не всѣхъ католиковъ считаетъ поляками, а многихъ православныхъ причислилъ къ полякамъ». Для насъ это — фраза, не имѣющая никакого значенія.

Далѣе, съ 1848 года не могло быть значительныхъ измѣненій въ составѣ народонаселенія. Мы знаемъ, и знаемъ достовѣрно, по неопровержимымъ фактамъ, что народонаселеніе Гродненской губерніи съ этого времени уменьшилось, и весьма значительно, вслѣдствіе неурожаевъ, голода и эпидемій — въ 1853, 1854, 1855 и началѣ 1856 годовъ.

Въ 1848 г. дворянъ и шляхты было 48,875.
— 1857 — — — — — 42,754.
Менѣе на 6,121 или на 12%.
Мѣщанъ-христіанъ въ 1848 г. . . 38,768,
— — — 1857 г. . . 20,263.
Менѣе на 18,505 или 48%.
Сельскихъ сословій въ 1848 г. . . 682,599.
— — — 1857 г. . . 148,319.
Менѣе на 34,280 или на 5%.

Населеніе всѣхъ важнѣйшихъ сословій губерніи уменьшилось—и болѣе всего въ разрядѣ тѣхъ сословій, въ которыхъ наибольшее число поляковъ, и по этому нѣтъ ничего удивительнаго, если изъ 82,689 поляковъ, показанныхъ г. Парчевскимъ въ 1848 г.,

наши исчисленія, сдѣланныя чрезъ 10 лѣтъ, достигли цифры 83,800. Нашъ результатъ даже представляетъ увеличеніе на 1%, между тѣмъ какъ, по всѣмъ вѣротіямъ, число ихъ должно было уменьшиться по меньшей мѣрѣ на 10%. Это увеличеніе на 11% цифры г. Парчевскаго, основанное на спискахъ 10-й ревизіи, принимая за поляковъ—дворянъ со шляхтою, римско-католическое духовенство, часть однодворцевъ, мѣщанъ и весьма незначительную долю крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводитъ къ тому важному выводу, что полонизація страны въ это десятилѣтіе сдѣлала значительные успѣхи.

Въ числѣ 33,000 дворянъ, шляхты, однодворцевъ и мѣщанъ-христіанъ—въ Гродненской губерніи (указанныхъ на стр. 56 брошюры), за исключеніемъ Бѣлостокской области, мы считаемъ, основываясь на вышеизложенномъ, на числѣ околицъ шляхты и числѣ помѣщичьихъ имѣній, только 16,300 поляковъ; г. Эркерту такое исчисленіе показалось неправильнымъ, потому что онъ держится единственно религіознаго принципа.

Конечно, наша цифра 83,800 не есть неопровержимо вѣрная, однако, она основана на данныхъ, которыя не противорѣчатъ исторической судьбѣ страны и которыя согласуются съ выводами г. Парчевскаго; но самыя тщательныя мѣстныя изслѣдованія не приведутъ и къ по-

ловинѣ цифры поляковъ, данной г. Эркертомъ на основаніи религіознаго принципа. Если принимать всѣхъ католиковъ за поляковъ — то не стоило и труда составлять новое изданіе этнографическаго атласа, основаннаго на вѣроисповѣданіяхъ, такъ какъ у насъ уже есть религіозный атласъ. По нашему мнѣнію, чтобы исчислить поляковъ, нѣтъ надобности даже и заѣзжать въ помѣщичьи мызы. — Каждому хорошо извѣстно, что дворъ помѣщика западно-русскаго есть польская колонія, а число помѣщичьихъ усадьбъ и число помѣщиковъ съ ихъ семействами хорошо извѣстно въ канцеляріи губернатора. Гораздо важнѣе изслѣдовать, сколько среди бѣлоруссовъ живетъ осѣдло крестьянъ польскаго происхожденія — и затѣмъ въ подробности изслѣдовать пограничныя мѣста, прилежащія Польшѣ, чтобы узнать, сколько среди сплошныхъ польскихъ или, лучше, шляхетскихъ околицъ живетъ бѣлоруссовъ. Это дѣло не представляетъ неодолимыхъ затрудненій. Любознательный и опытный этнографъ, посвятивъ свою дѣятельность на этотъ важный въ настоящее время трудъ, представилъ бы намъ вѣрную картину современнаго количественнаго отношенія поляковъ къ бѣлоруссамъ. Только онъ не долженъ считать безусловно всякаго католика за поляка, а долженъ принять языкъ, какъ исходный пунктъ для дальнѣйшихъ

изысканій; тогда онъ увидѣлъ бы, что въ общественномъ отношеніи между католикомъ и православнымъ бѣлоруссомъ нѣтъ никакой разницы, какъ нѣтъ никакой разницы въ ихъ языкѣ, образѣ мыслей, нравахъ и обычаяхъ. Оба одинаково страдали отъ панскаго гнета, обоихъ одинаково считали вещью, быдломъ, хлопомъ, хамомъ, и оба находили одинаковое утѣшеніе въ своихъ монотонныхъ и заунывныхъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ, одинаково презирали шляхтича, лѣзшаго изъ кожи изъ подражанія ясневельможнымъ, одинаково ненавидѣли эконома, стоявшаго съ плетью на гвалтахъ и всякаго рода безчеловѣчныхъ сгонахъ, одинаково были обманываемы евреемъ, высасывавшимъ послѣднія силы несчастныхъ тружениковъ, осужденныхъ на рабство и угнетеніе, одинаково принуждены были унижаться предъ паномъ, упадая къ его ногамъ и цѣлуя панскія полы и ноги! . . . Да, онъ увидѣлъ бы бѣлоруссовъ, страшно потерпѣвшихъ отъ полонизма, въ общественномъ устройствѣ и бытѣ, но оставшихся вѣрными своему языку, неутратившихъ своей народности, и въ большинствѣ неизмѣнившихъ своей вѣрѣ. Идите въ полуразрушенныя хаты бѣлоруссовъ, откуда пахнетъ дымомъ и вѣетъ нищетою, если хотите наблюдать бѣлорусскую національность, прослѣдите обычныя торжества крестьянъ, запишите ихъ сва-

дебныя и полевыя пѣсни, усвойте ихъ предразсудки, суевѣрія, обычаи, преданія, и вы откроете новый міръ, вы увидите, что религія у бѣлорусса не уничтожила его племенной особенности, что панскій гнетъ не высушилъ въ немъ русской души, что полонизмъ не отуманилъ до идіотизма его ума, сумрачнаго, какъ окружающіе лѣса и болота. Въ его понятіяхъ вы откроете міръ со всѣми ужасающими картинами чаръ, вѣдьмъ, не исключая и кіевской, злыхъ духовъ и великановъ. Онъ еще не отвыкъ праздновать Купалы, Колядъ, Дзѣдовъ, его пѣсни выскажутъ вамъ его страданія и надежды. Его суевѣріе перенесетъ ваше воображеніе ко временамъ языческимъ.

Да, въ бѣлоруссѣ, въ гродненскомъ бѣлоруссѣ, и смежными съ нимъ полѣшукѣ и бужанинѣ, онъ увидитъ древнѣйшій типъ славянина, правда изувѣченнаго, но твердаго и терпѣливаго въ своихъ страданіяхъ. Мы думаемъ и чувствуемъ, что Бѣлоруссія — это измученная страдалица, лишенная своего наслѣдства, женщина, которая своими страданіями искупаетъ свое утраченное наслѣдство, а не бѣдная и прекрасная дѣвушка, разсчитывающая на богатое наслѣдство, какъ кажется г. Эркерту.

«По своему образу мыслей, говоритъ г. Эркертъ, привычкамъ и роду жизни бѣлоруссы (Гродненской губерніи) совершенные поляки». Нѣтъ, г. Эркертъ, вы смотрите на

Бѣлоруссію по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ палацовъ и костеловъ, встрѣчавшихся по маршруту.

Бѣлоруссы Гродненской губерніи остались вѣрными своему языку, своей народности, и польское вліяніе не отразилось на нихъ даже пляской польскихъ танцевъ въ корчмѣ подъ скрипку, какъ думаетъ г. Эркертъ, ибо намъ положительно извѣстно, что бѣлоруссы и малороссы Гродненской губерніи пляшутъ подъ скрипку, какъ въ корчмахъ, такъ и на домашнихъ праздникахъ, *казачка* и *трепака*, не говоримъ уже о Минской губерніи, такъ какъ, по свидѣтельству тамошняго уроженца изъ шляхты деревни Мелешкевичи, г. Балвановича, православная шляхта Слуцкаго уѣзда деревень Машчицы, Мелешкевичи, Сароговичи пляшетъ трепака, казачка, я цыганка молодая, барыня-сударыня, и не знаетъ ни одного польскаго танца, ни одной польской пѣсни.

Крестьяне только въ Подлясьи, мѣстами, употребляютъ въ корчмѣ польскій танецъ, не оставляя однако своихъ народныхъ танцевъ.

«Католическіе бѣлоруссы вообще, говоритъ г. Эркертъ (на стр. 65), почти всѣ носятъ польскій костюмъ, отличающійся отъ православныхъ бѣлоруссовъ». Это можно сказать о шляхтѣ и мѣщанахъ, которые вездѣ усвоили особый костюмъ, хотя и не польскій; но нельзя сказать о католическихъ

крестьянахъ Гродненской губерніи; стоитъ только выйдти въ базарный день на рынокъ въ г. Гроднѣ, чтобы убѣдиться въ однообразіи костюма всѣхъ крестьянъ, а Гродно сильно подчинялся вліянію полонизма. «По своему образу мыслей, привычкамъ и роду жизни, они (католическіе бѣлоруссы) совершенные поляки». И это невѣрно, они тѣ же бѣлоруссы, въ ихъ образѣ мыслей, въ ихъ привычкахъ и во всей домашней обстановкѣ и жизни—нѣтъ никакой разницы съ православными бѣлоруссами; повторяемъ, вся разница только въ томъ, что одни ходятъ въ костелъ, а другіе въ церковь.

Ужь если говорить такъ доктринально, то слѣдовало бы привести фактическія доказательства тождества католическихъ бѣлоруссовъ съ поляками. Мы думаемъ, что авторъ тогда самъ пришелъ бы къ другому выводу.

Брѣютъ бороды и усы не всѣ, большею частію католическіе бѣлоруссы, живущіе въ Подлясьи, гдѣ безбородыхъ католиковъ встрѣчается дѣйствительно болѣе, нежели въ мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ отъ польскаго племени. Но это наружное отличіе еще не составляетъ признака перерожденія — это привычка, не имѣющая никакого соотношенія съ образомъ мыслей и способомъ жизни, а тѣмъ болѣе съ языкомъ.

Сохраняя полное уваженіе къ атласу г.

Эркерта, снисходя къ его погрѣшностямъ какъ первой попыткѣ воспроизвести въ наглядномъ видѣ разграниченіе славянскихъ народностей западной Россіи, мы не можемъ согласиться съ его принципами, проведенными въ брошюрѣ: дѣлить славянъ по вѣроисповѣданіямъ. Мы потому и увѣрены, что его атласъ можетъ имѣть лишь современный интересъ, какъ первая попытка, но въ будущности, наука и Россія потребуютъ воспроизведенія этнографическаго атласа на существенныхъ признакахъ родственныхъ племенъ, отбросивъ всякія частныя исключенія, какъ не имѣющія никакаго значенія при громадномъ большинствѣ бѣлоруссовъ и малороссовъ, сохранившихъ свой вѣковой природный, естественный бытъ, непотрясенный еще полонизаціей.

Неудаченъ вышелъ портретъ бѣлорусса, нарисованный г. Эркертомъ; въ немъ онъ не узнаетъ себя, черты въ немъ измѣнены кистью неувѣренною, дрожащею въ рукѣ, мало знакомою съ оригиналомъ.

Въ своей статьѣ, по поводу атласа, многаго мы еще не коснулись; мы предлагаемъ читателю самому вникнуть въ брошюру г. Эркерта, чтобы видѣть противоественные выводы, робкіе и неубѣдительные доводы, неудачныя доказательства и крупныя противорѣчія, прикрытые самонадѣянностію безъаппеляціоннаго приговора. Этого авторъ

избѣгнулъ бы, еслибъ въ основаніе своего труда взялъ не одно только вѣроисповѣданіе, а всѣ крупныя признаки племенныхъ особенностей, и прежде всего —языкъ.

Павелъ Бобровскій.

21-го марта.

(Изъ № 75 и 80 Русск. Инвал.).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1864 года.

Въ Военной Типографіи.

2007237616

т. е. пространство между рѣками Днѣпромъ, Западною Двиною, Наревомъ и Припетью.

Вотъ, какія цифры для этихъ губерній, въ совокупности, даютъ намъ гг. Эркертъ и Риттихъ, повидимому, пользовавшіеся болѣе или менѣе однородными источниками:

		По Риттиху.		*По Эркерту.*	
Русскихъ:	бѣлоруссовъ	2.521,904		»	
	малороссовъ	190,864		»	
	великоруссовъ.	141,670		»	
		2.854,438	63,6 проц.	2.531,000	58,9 проц.
Поляковъ.		383,452	8,6 »	791,000	18,4 »
Латышей	литовцевъ	546,650	12,2 »	»	
	латышей.	166,735	3,7 »	»	
		713,385	15,9 проц.	529,000	12,3 проц.
Евреевъ		463,213	10,3 »	433,000	10,1 »
Нѣмцевъ		9,144	0,2 »	10,800	0,2 »
Разныхъ націй, татаръ.		12,394	0,3 »	14,800	0,3 »
Всего.		4.485,600		4.294,000	